

ВЛАДИМИР ВАЛУЦКИЙ

ЗИМНЯЯ ВИШНЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 15

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-26659-9

© В. И. Валущий (наследник), 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Часть первая

Ольга о себе

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Исключительно. Замечательные люди

Мне бабушка рассказывала: в молодости они гадали под Крещение. Как-то по-особенному ставили зеркала, глядели в них через свечи и загадывали на суженого. И бабушка один раз увидела лестницу — парадную, высокую, с ковром. И вот, она говорит, на этой лестнице появляются ноги в лакированных штиблетах — такие были модными тогда — и медленно шагают вниз. А самого человека не видно, но еще чуть-чуть, и можно будет разглядеть его лицо. Тут она испугалась, свечи сбросила и из комнаты вон. Я говорю: бабушка, чего ж ты, глупая, побежала — суженого бы увидела. А она говорит: какой там, к лешему, суженый — страшно стало, до ужаса...

Почему-то этот рассказ мне запомнился. Я уже и замужем побывала, и развелась, а иногда приснится бабушкино гадание, лестница с ковром и ботинки, которые по ней шагают. Так, мимолетно приснится. Перед тем, как проснуться.

Вот и на этот раз я проснулась, на минутку задремав, и вижу: все правильно — ботинки на ковре. Только не лаковые, а самые обыкновенные.

Принадлежат Вадиму. И он их уже надел и перед зеркалом натягивает свитер.

На часах половина двенадцатого. Лампа горит. В комнате тихо.

— Уже уходишь?

— Пора.

Могла бы и не спрашивать. Сама знаю, что пора, жена заждалась, бедная.

Он надел пиджак, ласково улыбается.

— Ну, малыш, пока? — (Это я малыш.)

— Пока.

— Тебе тоже спать пора.

— Конечно.

— Не заводись.

— Да что ты, конечно, пора спать. Уже сплю.

— Вот и умница.

Мы смотрим друг на друга, оба улыбаемся, как все понимающие современные люди, а глаза у него беспокойные, и написано в них одно: господи, до чего же эта прощальная процедура опостылела! Да и у меня глаза не лучше.

— Не сердись, малыш. Все хорошо.

— Конечно. Третий год все хорошо.

Лицо Вадима сразу становится серьезным, расстроенным.

— Малыш, мы ведь договорились...

— Да ладно, я ничего не сказала.

— Сама проснешься или тебе позвонить?

— Меня разбудят.

— Это кто же тебя разбудит? — В голосе промелькнула ревность.

— Один надежный товарищ.

Подыграла. Сейчас дальше будем играть в Отелло и Дездемону.

— Что еще за товарищ? Ты знаешь, каков я в гневе?

— Знаю...

Подходит к дивану, наклоняется, наваливается, душит.

— Р-р-р!.. Страшно?

— Страшно. Иди.

— А вот я не уйду.

Что уходить не хочется — тоже знаю. Это правда. Кому же хочется — в ночь, от тепла, уюта. До чего же мы, господи, оба несчастные...

— Ну какой у меня может быть товарищ? Конечно будильник. Иди. — (Он целует в щеки, в шею.) — Ну уходи... Слышишь? Уходи, уходи, уходи...

Он поднялся, вздохнул. Сейчас рукой тихонько и нежно погладит по щеке. Вот так. И — быстро уходит, пока я притихла. Исчез в передней, вернулся уже в плаще.

— Пока?

— Езжай осторожнее, не торопись.

— Спи, малыш. До завтра!

Дверь хлопнула.

Раньше я от этого хлопка плакала. Уже год не плачу.

Что же, действительно пора спать. Антошка уже давно спит у себя за плотно закрытой дверью. Заглянула к сынуле. Сопит. Нога вылезла

из-под одеяла и гуляет сама по себе. Заправила ее обратно — даже не почувствовал. Спит, как зверь бурундук.

Погасить свет в прихожей, идиотский выключатель: за веревку семь раз дернешь, пока срабатывает. На восьмой — гаснет.

Стою в ванной, где колготки развешаны — мои вперемежку с Антошкиными, смываю глаза, гляжу в зеркало на физиономию. Если честно, я отношусь к ней неплохо. Для без малого тридцати — еще вполне ничего. Могла бы, правда, быть немного повеселее...

Зазвонил телефон. Кому еще к ночи нейметя.

— Да.

— Ольгунька! Ау!

Валя, соседка этажом ниже. Очень веселенькая. В трубке музыка и голоса.

— Ты одна?

— Одна.

— Тогда спускайся к нам. У нас такие люди!

— Я сплю, Валюшка.

— А ты просыпайся и приходи. Подожди...

— Ольга? — Это уже мужской голос, решительный баритон. — Ты что там дурака валяешь?

— Сашка, настроения нет веселиться.

— Настроение организуем. И вообще — состав объявлен, замены не принимаются. Подожди...

— Ольгунчик! Ау, мой хороший! Ты спускаешься?

— Валюшка, я уже вся умытая...

— И очень тебе идет! Все ужасно жаждут тебя видеть.

— Кто?

— Исключительно замечательные люди, ты их не знаешь. Ну давай, просыпайся. Лариска уже спускается. — И тихо, прикрыв трубку: — Здесь для нее такой вариант... Между прочим, только что развелся. Ага?

— Хорошо. Зайду на минуточку.

— Ждем!

Только успела снова глаза намазать, натянуть на себя свитер и юбку — звонок в дверь. Лариса, другая соседка, этажом выше. Принарядилась — белая кофточка с бантом, туфли, даже губы покрасила. Очки придают торжественность облику. В руках у Ларисы сковородка.

— Готова? Ванилин у тебя есть?

— Не знаю, посмотрю. А зачем?

— Валюшка торт печет.

Достаю ванилин, Лариска крутанулась перед зеркалом, оглядывая внешность. Как бы между делом.

— Я лично тоже на полчаса. Завтра день сумасшедший, с утра — в банк, и Сережка расклеился. Спит и чихает, чертенок. В саду сквозняки. А что за люди, не знаешь?

— Говорят, исключительно замечательные.

— Ну поглядим — и спать. Пошли?

— Подожди... выключатель...

Отправляемся в путь, на четвертый этаж.

Дверь уже приоткрыта — ждут. Голоса, что-то пригорело на кухне.

— Можно?

— Приветик!

В прихожую выбегает Валюшка. Вся раскрасневшаяся, деятельная, счастливая. Вот кто настоящий малыш, а не я. Мне по плечо. Она у нас с Лариской третий ребенок: Антошка, Сережка и — Валюшка. И в сад вместе ходят, только они — воспитанники, а Валюшка — воспитательница.

Сдаем ей сковородку и ванилин.

— Держи. Что за праздник?

— Мы с игры. Сашка, правда, не играл, но игра была все равно — исключительная! Проходите. Я сейчас...

Обстановка в Валюшкиной комнате спартанская: стол, стулья, тахта — и все. Зато на столе изобилие. Какие-то яркие заграничные баночки, пакетики, коробочки. Вино, самовар для чаепития. На тахте расположились трое мужчин, двое незнакомых, третий — Сашка, Валюшкин хоккеист.

— Значит, так, — представляет Сашка, — справа от нас, которая очень красивая, — девушка Оля. Слева, которая тоже очень красивая, — девушка Лариса.

— Павловна, — уточняет Лариска, надменно кивнув мужчине, рядом с которым усадил ее Сашка, — очень подтянутому, в темном костюме и галстуке.

— Герберт... Мартынович...

— Гость из столицы! — объявляет Сашка торжественно, а в комнате появляется Валюшка с под-

носом, прямо-таки одуревшая от счастья, от любви, от своего торта.

— У Герберта знаете кто отец? Герберт, скажи!

— Ну... Это здесь ни при чем, — нахмурился подтянутый.

— На скамью посажу, — тихо, головы не повернув, бросает Валюшке Сашка. — Мы сами тоже чего-то стоим, верно, Гера? Тоже достойно представляем нашу альму-матер.

— Герберт весь мир объездил! — опять восторженно встречает Валюшка. — В каком ты, Герберт, сейчас городе в Швейцарии работаешь, я забыла?

— Ну если быть точным, то в настоящий момент не работаю.

— Ничего, старче. — У Сашки в одной руке стакан, другой он хлопает гостя по плечу. — Сегодня здесь, завтра снова в Женеве — ваше дело такое!

— Значит, Герберт Мартынович у нас дипломат? — сурово спрашивает Лариска. — А что же ты, Сашка?

— Чего — я?

— Почему ты не дипломат? Если вы в одной альме-матери учились?

Я-то хорошо знаю Лариску: ей обязательно надо с первой минуты самоутвердиться, особенно с незнакомыми мужчинами.

— Потому что Сашенька ушел в большой спорт! — чуть не плача от Ларискиной тупости,

кричит Валюшка. А Сашка тоскливо обращается к третьему:

— Веня, объясни девушкам.

Про третьего я еще не сказала: какой-то чудной, в свитере мешком, вид диковатый, неухоженный и даже вроде не очень мытый. Он снял очки, почесал переносицу.

— Видите ли, девушки. В области высшего образования случается много неожиданностей. И жизнь порой поворачивается самым удивительным образом. Действительно, мы все трое учились вместе. В одной столовке в электротехническом трескали сосиски, рубали компот. Надеюсь, не забыл, Гера? А теперь он — москвич, представляет отечественную электронику за рубежом, Сашка с электронной скоростью гоняет по полю шайбу, а я на электронной технике подсчитываю общественное мнение об их деятельности.

Сашка засмеялся, удовлетворенный, и представил:

— Вениамин, научный человек.

Вениамин надел очки, поклонился и прибавил:

— Советский Союз...

Сидим, попиваем вино, едим Валюшкин торт, заграничные сласти, звучит тихая музыка. Посиделки как посиделки, а настроение у меня неважное. Наверное, не нужно было идти, ничуть не развеселили исключительно замечательные люди, скорее наоборот.

И этот Вениамин, Советский Союз, оказался такой болтун. И выпил-то рюмку, а все говорит, говорит:

— ...а ведь могла судьба распорядиться иначе, и я родился бы где-нибудь в Лимпопо, и не учились бы мы с тобой, Гера, в одном институте, не ходили бы на Сашкин хоккей, не ели бы этот торт в обществе милых девушек. Вот за это, понимаешь, я и люблю страну, где родился, живу и буду жить. И это не обреченность, а осознанная необходимость — иначе само понятие родины теряет смысл, верно, Сашка?

Очки он то снимает, то надевает, окурки тыкает куда попало — на месте Валюшки убила бы его. А Валюшка сидит, влипнув Сашке под мышку, и слушает — ей все ново и интересно.

— Кто же спорит, — отозвался Сашка.

— Саша... — Валюшка забеспокоилась, увидев, как он, уже заметно смурной, потянулся к бутылке, — еще же не вечер...

— Я тоже не спорю, я просто увлекся, понимаете, а вообще ужасно, по русской привычке хочется спорить, утверждать, опровергать, понимаете, мы так мало спорим, ребята, а жаль... Оля! — поворачивается он к Лариске. — Я призываю вас спорить!

— Ой, давайте! — хлопает в ладоши Валюшка.

— Я согласна, — говорит Лариска. — Если только вас не смущает, что я — Лариса.

— Вы — Лариса. — Ничуть его не смущает. — И это прекрасно! Ведь мы, Лариса, вот так собираемся, говорим на общие темы и расходимся,

ничем взаимно не одарив друг друга. А ведь каждый из нас знает что-то такое, чего не знают другие или не догадываются, у кого-то болит душа, кто-то кем-то очарован, кто-то в чем-то разочарован... Ну ладно, Герка — он по границам от наших обычаев отвык, а мы-то с вами!

Тут Герберт, который словно закован в своем костюме с галстуком, вдруг несогласно шевельнулся:

— Это неверное суждение.

— В смысле? — проснулся Сашка.

— Живя, как вы говорите, по границам, как раз и начинаешь понимать, что для человека важнее всего.

— А что важнее всего? — спрашивает Валушка.

— Наверное, простое человеческое счастье, — сказал Герберт и, кажется, в мою сторону посмотрел.

— Верно, — согласился Вениамин, — но пока его нет, простого человеческого, счастье уже и в том, чтобы всласть поспорить, поскулить, поплакаться в жилетку. А особенно для женщин. Верно ведь, Лариса?

Лариска надменно произнесла:

— А почему вы женщину как-то особенно выделяете?

— Женщинам всегда больше всех доставалось. Мужчины все-таки сильный пол, вон посмотрите на Сашку: гладиатор двадцатого века, ледовый рыцарь!

Лариска усмехнулась:

— Рыцарей вообще нет. Никаких. Мужчины себя изжили! — И, отодвинувшись на диване, закурила. Потому что вышла на коронную тему, мы тоже часто говорим об этом втроем, за бутылочкой. А может, потому, что Герберт опять на меня внимательно посмотрел:

— И Оля так же думает?

— Так же, так же. Он женщин жалеет, особенно одиноких, да?

— Я, собственно... — запнулся Вениамин.

— А они давно поумнели, женщины! Поняли, что проще жить, когда скулить и плакаться некому и надеяться не на кого, кроме как на себя! Кому плакаться? Мужу, от которого больше всего им и доставалось?

— Ты с Лариской не спорь, — заметил Сашка. — У нее мужики — во где, — и показал кулак. — Она им на автобазе зарплату платит.

— Но это, знаете... — Герберт пожал плечами. — А как же дом, семья?

— А я и есть семья! — дымит и режет Лариска. — Я и мой ребенок. А еще одно дитя всю жизнь нянчить — хватит, нанянулась. Готовь, стирай, восхищайся, а отдача — фиг. Слава богу, три года одна и не жалею. Я только теперь и поняла, что такое настоящая жизнь, и ни на какие коврижки ее не променяю. Потому что скулить и плакаться причин не стало. Да чтобы снова в эту петлю?.. Никогда в жизни!

Вениамин ее решительного выступления как будто даже немножко испугался. Притих.

— Я слегка озадачен... Но мне все равно страшно нравится, что мы говорим, спорим. Вот только Оля все молчит. Грустная, прекрасная Оля. — И посмотрел на меня, а я действительно за весь вечер ни одного слова не произнесла.

— А она тоже свое оттрубила, — говорит Лариска. — А теперь — свободная, красивая женщина, сама себе хозяйка, верно?

Тут уже все посмотрели на меня, будто проверяя, вправду ли я красивая или нет. И я вдруг сказала:

— Не знаю...

Как это у меня получилось, не понимаю. Тут все, наверное, нашло одно на другое: и мое поганое настроение, и эта вечеринка, никому не нужная, и громкое Ларискино выступление...

Лариска с Валюшкой удивленно на меня выкатили шары.

— Чего — не знаешь? — спрашивает Лариска.

— Не знаю, лучше ли это — быть себе хозяйкой. И хорошо ли, когда свобода. Наверное, все-таки нужно, чтобы было кому поплакаться...

— Ты что, обалдела? — говорит Лариска. — Ренегатка!

— ...потому что, наверное, семья — это как родина. Должна быть, и все тут, иначе в ней вообще смысла нет...

— Золотые слова, надо выпить, а выпить нечего, — встал Сашка и пошел на кухню.

Тут Валюшка опомнилась, вскочила тоже, побежала за ним:

— Сашка, у тебя же режим! Тебя опять к игре не допустят!.. Там больше ничего нет! Ну пожалуйста! Александр!

С кухни послышалось: «возникаешь», «силовой прием применю» и еще какие-то слова, Валюшкин всхлип, потом что-то упало и разбилось. Когда разбилось, поднялась и Лариска.

— Это бывает, товарищи, это мы будущую счастливую жизнь репетируем. Минутку. — И отправилась на кухню выручать Валюшку.

А на меня вдруг нашла такая пустота, словно со сказанными словами я всю себя куда-то выплеснула, и я тоже поднялась.

— Извините, мне пора. Правда, пора, до свидания.

И увидела, уходя, как пристально и недоуменно глядят мне вслед исключительно замечательные люди, Герберт и Вениамин.

Вернулась домой. Антошка спит, нога под одеялом — не шевельнулся за все время, бурундучок. Набираю номер телефона.

— Слушаю. — Вадим уже дома, сам подошел.

— Как доехал?

— Извините, молодой человек, вы, наверное, ошиблись номером.

— Докладываю: будильник поставила, спокойной ночи.

Положил трубку, и я кладу. Нет, все-таки мне, наверное, лучше, во всяком случае сейчас. Я лягу,

а ему еще врать жене про делегацию из Польши, про скучный банкет, отвечать на дотошные вопросы, что за делегация и зачем приехала. А она, проницательная, в конце разговора бросит невзначай что-нибудь вроде: странно, что у тебя ошибаются номером только молодые люди — и хоть бы раз девушка?..

Спать. Задергивая шторы, вижу двор, вижу, как выбежал из дома Сашка. Значит, опять поссорились, Валюшка плачет. Может, и мне поревать? Не получится, наверное, и раньше-то не очень получалось. Еще кто-то вышел из парадного. Судя по походке — Герберт. Наверняка вот та длинная белая иномарка — его машина. «Мерседес», кажется. Уселся, поехал — не увлекла Лариска спором, вариант не прошел, вечеринке конец.

Опять стою в ванной, смываю глаза. Сейчас приму душ — и спать, спать. Развлечения на сегодня закончены.

Господи, это еще что такое — звонок в дверь.

— Кто?..

Молчание.

— Кто там?

— Извините, Валя, это я, Вениамин... Прошу вас, откройте на минутку.

Так. Не очень оригинально.

— Извините, Вениамин, но здесь живет не Валя, а Оля. И она спит.

— Да, конечно, Оля, простите, оговорился... Я волнуюсь. Подождите, не уходите от двери.

— Еще не ушла. В чем дело?

— Мне нужно сказать вам очень важное, но я не могу через дверь. Пожалуйста, откройте! Оля.

— Вениамин, я очень устала, и я примерно представляю, что вы скажете.

— Я тоже представляю, что вы представляете, но это совсем не то. Честное слово. Клянусь вам мамой.

Сумасшедший какой-то. Но после таких слов попробуй не открыть. Открываю.

Стоим друг перед другом, глядим через порог.

— Говорите.

— Оля. Выходите за меня замуж.

Час от часу не легче. Даже не знаю, как реагировать.

— Интересно, — произношу не без иронии. — Вы бы хоть мое имя запомнили, прежде чем делать предложение.

— Да, все это выглядит нелепо. Я совсем не с того хотел начать. Но поскольку я боюсь, что вы захлопнете дверь... Можно я войду? Ровно на пять минут.

Я подумала: ведь не отвяжется.

— Ну заходите. Только говорите тише — сын спит.

Теперь мы стоим друг против друга в прихожей. В той же позиции.

— Понимаете, Оля, я никогда не был женат. Так вот вышло: дожил до тридцати шести годов, влюблялся, всю жизнь мечтал о семье и не женился. А вы... Вы сказали поразительную вещь.

Валуцкий В.

В 15 Зимняя вишня : роман / Владимир Валуцкий. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 384 с. — (Азбука Premium. Русская проза).

ISBN 978-5-389-26659-9

Владимир Валуцкий (1936–2015) — автор сценариев многих любимых зрителями фильмов («Ярославна, королева Франции», «Король шантажа», «Смертельная схватка» и «Охота на тигра» о приключениях Шерлока Холмса и доктора Ватсона, «Мэри Поппинс, до свидания!» и других). Однако в конце жизни он говорил: «Работа сценариста по природе своей — нервная... Куда проще и приятнее сочинять неторопливую прозу. Она меня, собственно, всегда влекла и соблазняла, и в перерывах между киноделами я писал что-то».

«Зимняя вишня» (1985) — одна из самых популярных мелодрам в российском кино. В основе знаменитого фильма, на который было продано 32 миллиона билетов, — одноименный роман. «Неторопливая проза» о любви обыкновенных людей, Вадима и Ольги, написана с неизменными для Валуцкого светлой грустью, мягким юмором и сочувствием к героям. «...Если два человека любят друг друга, если им вместе так хорошо, как и не придумать... Это же проще, чем дважды два, верно?» У Вадима есть семья, а Ольга не уверена в том, что роман с женатым мужчиной принесет ей счастье. Применимы ли правила «простой арифметики» к их истории?

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ВАЛУЦКИЙ
ЗИМНЯЯ ВИШНЯ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Юлия Теплова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.11.2024.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 20,16. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Рейсінде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-AUP-35651-01-R